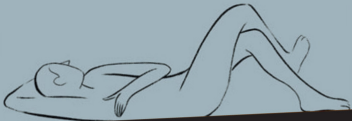

18+

дарси
ЛОКМАН

право на ГНЕВ

Почему в XXI веке
воспитание детей
и домашние
обязанности
до сих пор лежат
на женщинах

Дарси Локман
Право на гнев. Почему
в XXI веке воспитание детей
и домашние обязанности
до сих пор лежат на женщинах
Серия «Есть смысл»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67929833

*Право на гнев. Почему в XXI веке воспитание детей и домашние обязанности до сих пор лежат на женщинах / Дарси Локман; пер. с англ. М. Чомахидзе-Дорониной: Help Needed; 2022
ISBN 978-5-6046470-8-0*

Аннотация

Почему мужчины так мало делают по дому? Почему женщины почти в одиночку занимаются воспитанием детей? Почему даже в семьях, где мужчины и женщины работают полный день и оба вроде бы согласны с честным распределением обязанностей, женский вклад все равно перевешивает мужской? В эпоху феминистского активизма, просвещения и перемен сохраняется непропорционально большой объем родительской

работы, выпадающей на долю женщин, независимо от их происхождения, класса или профессионального статуса.

Дарси Локман исследует причину этого повсеместного неравенства. Рассчитывая на партнеров-мужчин, которые разделят бремя, сегодня женщины остаются с тем, что политологи называют неудовлетворенными растущими ожиданиями. Начиная со своего собственного брака как эпицентра исследования, Локман движется дальше, описывая опыт самых разных женщин, воспитывающих детей с мужчинами; посещая группы молодых матерей и специалистов по совместному воспитанию; интервьюируя экспертов в различных академических областях, от профессоров гендерных исследований и антропологов до неврологов и приматологов.

Содержание

Отзывы	7
Введение	11
Замужем, с детьми	11
Я этого не ожидала	14
Никто из нас этого не ожидал	23
Почему же мужчины не делают больше?	28
Неудовлетворенные растущие ожидания	33
Глава 1	37
Миф о современном вовлеченном отце	37
Разочарования современной вовлеченной матери	48
Подлинная сущность современных вовлеченных отцов	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дарси Локман

**Право на гнев. Почему в
XXI веке воспитание детей
и домашние обязанности до
сих пор лежат на женщинах**

Посвящается Лив и Тесс

ALL THE RAGE: Mothers, Fathers, and the Myth of Equal Partnership

Издано с разрешения HarperCollins Publishers при содействии Andrew Nurnberg Associates Ltd. c/o Andrew Nurnberg Literary Agency

На русском языке публикуется впервые

Перевод с английского *Марии Чомахидзе-Дорониной*

ЕСТЬ СМЫСЛ

Издательство фонда «Нужна помощь»

Copyright © 2019 by Darcy Lockman. All rights reserved.

Published by arrangement with Harper, an imprint of HarperCollins Publishers

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. БФ «Нужна помощь», 2022

ОТЗЫВЫ

Локман разбирается, почему гендерное неравенство до сих пор сохраняется в современных семьях. Она вдохновляет женщин открыто выражать свое недовольство плохо распределенными домашними обязанностями. Несмотря на глубину и наукообразность исследования, книга написана доступно и с юмором, благодаря чему понравится широкой аудитории, особенно парам с детьми или тем, кто только собирается стать родителями.

Виктория Нтони, Университет Макэвана, Канада

В своей книге, основанной как на глубоко личном опыте, так и на масштабном социальном исследовании, Локман призывает женщин и мужчин поставить под вопрос аксиому о гендерном равенстве в развитых странах и возобновить разговор о справедливом распределении обязанностей. Книга определенно наводит на размышления! Читая ее, я постоянно ловила себя на том, что киваю и говорю: «Да, все так». Достойное начало давно назревшего разговора.

Дженси Дани, автор книги «Как не возненавидеть мужа после рождения ребенка»

Эта книга – лучший подарок женщине, только прочитав ее сперва должен мужчина. Дарси Локман

произвела настоящие раскопки, изучив сотни женских жалоб и природу чувства несправедливости, которое сопровождает всю нашу жизнь, а затем поместила эти данные в новый контекст. Она доказывает, что обсуждать будущее разделение обязанностей в паре нужно задолго до того, как появятся дети. А если вы уже родители, то нет шансов, что вы не узнаете себя на страницах этой книги!

Кимберли Харрингтон, гендерная исследовательница

«Право на гнев» – это, без всяких преувеличений, потрясающая, очень своевременная, нужная – если не сказать необходимая – книга для тех, кто только планирует стать родителем или уже воспитывает детей. Это настоящий манифест современного материнства, которое требует от женщины постоянных жертв; и большое исследование теперешнего отцовства, которое, как оказалось, лишь притворяется вовлеченным, а на деле – остается насквозь патриархальным и основанным на устаревших традициях.

И пусть вас не пугает кажущаяся радикальность этого утверждения: почитайте «Право на гнев», где собрано огромное количество данных социологических исследований, опросов и культурологического анализа родительских практик прошлого и настоящего. При этом написано это все без морализаторства и псевдонаучных далекоидущих выводов, напротив, книга говорит с читателем живым языком, объясняет

все на понятных и простых примерах, суммируя под одной обложкой мысли и наблюдения, знакомые очень многим женщинам.

Вы все еще верите в «материнский инстинкт»? Считаете, что женщина рождается с предустановленным умением ухаживать за детьми? Думаете, что способность записать ребенка в кружок, отвезти его к врачу и купить ему новую обувь – это биологически обусловленные сверхспособности женщин? Не знаете, что такое невидимый труд? Почитайте «Право на гнев» – вас ждет много интересных открытий.

Лена Аверьянова, главред изданий для родителей «Нет, это нормально» и Chips Journal

Эта книга важна для нас как для общества, потому что патриархальные нормы по-прежнему сильны и женщины по умолчанию тащат на себе несколько рабочих смен: помимо основной работы это как минимум быт, дети и забота о других родственниках. Это создает грандиозный социальный дисбаланс – и жизнь в «привычных» ценностях и нормах делает так, что он не осознается как несправедливый. Для проекта «Никакого правильно», который стремится расшатать эту дико устойчивую конструкцию, такое высказывание представляет большую ценность. Книга классно написана и отлично переведена – это именно то сочетание доказательной базы и личного опыта многих

людей, который мы так пестуем в своем проекте.

*Мария Карнович-Валуа, Ксения Красильникова, подкаст
«Никакого правильно»*

Введение

Проблема без названия

Замужем, с детьми

Я несправедлива к мужу?

На дворе весна 2016 года, пасмурная суббота накануне Дня матери. Вот уже десять дней хлещет дождь. Пять из них я провела в Мичигане со своими детьми, без их отца, в гостях у родителей. Мне нравится возить дочерей в Детройт, но справляться с Лив и Тесс одной крайне утомительно – ведь кроме меня некому раздавать однообразно-скучные указания, без которых не обходится жизнь ни одного маленького ребенка. Они начинаются, как только малыши просыпаются, и не прекращаются до поздней ночи, когда их нежно-бархатистые, словно лепестки, веки не отяжелеют настолько, чтобы сломить их сопротивление. Сходи на горшок. Почисти зубы. Надень носки. Надень обувь. Не бей сестру. Уберись в подвале. Сними обувь. Надень обувь. Не бей сестру. Сними обувь.

Когда мы вернулись в Нью-Йорк, я придумала, какой подарок хочу получить на День матери: свободное время! Я попросила Джорджа взять наших девочек – им тогда бы-

ло шесть и три – и навестить его маму в доме престарелых в Пенсильвании, с ночевкой. Рут будет в восторге. Джордж будет рад провести целый день с матерью. А дети поедят мороженого, наиграются в развлекательном центре и поплавают в закрытом бассейне гостиницы. Всем счастье.

Утром в день поездки, перед тем как пойти в спортзал, Джордж задержался на пороге и, подбирая слова с той особой осторожностью, какая свойственна женатому человеку, сказал мне: «Я сам собираю детские вещи, но, если ты думаешь, что я могу что-то забыть, не могла бы ты положить это на кровать?»

Если вы мать или отец или среди ваших знакомых есть матери и отцы, вас вряд ли удивит, что Джордж никогда не собирал детские вещи в поездку. На протяжении шести с половиной лет – с тех пор как мы стали родителями – чемоданы, сумки и прочие вещи всегда собирала я. И муж знал – потому что я не раз доводила это до его сведения и написала об этом целую книгу: с меня хватит. Судя по соцопросам, мы с ним идеально укладываемся в общепринятую норму поведения по крайней мере по двум аспектам. Родительство далось нам нелегко и, безусловно, повлияло на наши отношения. Камнем преткновения стало разделение обязанностей – пороховая бочка, готовая взорваться в любой момент.

Свой ответ я сформулировала так же тщательно, как и мой муж вопрос. Мне хотелось быть доброй, но при этом прекратить нести ответственность за каждую мелочь в доме

и поддерживать эту чудовищную систему, которую мы соорудили, – систему, согласно которой именно я должна решать все проблемы. Я спросила его: «Что именно ты боишься забыть?»

Он задумался. «Купальники», – ответил он наконец.

«Ну вот видишь, ты вспомнил», – сказала я, будто невозможная мама-барсучиха из книжек про Фрэнсис¹ (обожаю ее!). Он кивнул и направился к двери.

Я была довольна нашим разговором. Я постояла за себя, я проявила чувство юмора, и Джордж не забудет купальники (в которых девочки радостно лягут спать, потому что он наверняка забудет пижамы). Но неугомонный бес у меня в голове – тот, чей голос стал мне родным за многие годы разговоров об обязанностях женщин и их месте в семье, – не давал мне покоя: ты к нему несправедлива. Он ведь их увозит, как ты и хотела. Что тебе стоит собрать пару вещей? Они едут всего на одну ночь. Это займет не больше тридцати секунд. Что в этом страшного?! Я беру iPad, несколько игрушек и кладу их в сумку – подношение моему внутреннему бесу и моему мужу, к которому я больше всего на свете хочу быть справедливой.

¹ Серия книг для дошкольников писателя Рассела Хобана, на русский не переведена. – *Здесь и далее прим. ред.*

Я этого не ожидала

В 2003 году, когда мне было тридцать, моя подруга Таня родила первенца. Она была на несколько лет старше, и – поскольку речь идет о Нью-Йорке, городе с высоким средним возрастом рождения первого ребенка – стала первой из моих местных знакомых, у кого родился ребенок. А еще через несколько месяцев стала первой из моих знакомых мамой, которая вышла на полный рабочий день. И первой, с кем я потеряла связь из-за ее плотного графика. Каждые полтора месяца мы пытались встретиться, и нам это ни разу не удалось. Наконец Таня позвонила и сказала – так, будто это само собой разумеется, – что она больше не сможет приезжать на совместные ужины, потому что ее муж неспособен посидеть с малышом и одного вечера. Работа Джона заключалась в том числе в налаживании дружеских связей с клиентами, и я знала, что вечерами Таня часто остается с сыном одна. «Если ты можешь, почему он не может?» – спросила я. Она запнулась, прежде чем ответить: «Он не захочет». Я спросила почему. В общем, разговор не получился. Меня удивило и возмутило, что она позволяет мужу выходить сухим из воды и отказываться от ответственности. Работали они оба. Почему же дома они не были равноправными партнерами? Разумного объяснения этому просто не находилось.

А конец этой истории до ужаса банален. Достаточно ска-

зять, что шесть лет спустя я и мой муж сами стали родителями. И мы были счастливы – все тщательно спланировали и исполнили без сучка без задоринки. Но уже вскоре после рождения нашей первой дочери я вспомнила, в какое тяжелое положение попала Таня, – теперь точно в таком же положении оказалась я сама. И не только я, а большинство работающих матерей на нашей зеленой окраине Квинса, где в семьях, как правило, работают оба родителя. Как и я, женщины, с которыми я познакомилась, когда возила детей в детский сад и на детскую площадку, работали на полную ставку и, как я, сразу после родов взяли на себя основной груз домашних забот, о которых раньше и не задумывались. Я замечала это не только среди знакомых, но и среди своих пациенток (поскольку я психотерапевт). В своем офисе между Челси и Мидтауном² я наблюдала, как это начинается еще с беременности. На сроке в двадцать восемь недель, в удобной офисной одежде, какая-нибудь клиентка отмечает с некоторым удивлением и зарождающимся раздражением: «Джейсон очень хочет выбрать самую лучшую коляску для нашего малыша, но он почему-то считает, что поисками должна заниматься я». Я сидела, прикусив язык, потому что моя первая реакция на эти слова была недоброй и чересчур циничной. В голове крутилось: «Вот так это и начинается».

Вот как это началось у меня. Первый раз я поругалась с мужем из-за общих родительских обязанностей, когда нашей

² Все это районы Нью-Йорка.

дочери Лив еще и месяца не исполнилось. Я была в так называемом декрете – восемь неоплачиваемых недель отпуска из клиники, где я проходила практику в докторантуре. Джордж, с которым я познакомилась в аспирантуре, работал психологом в полицейском управлении Нью-Йорка – штатная должность с хорошим соцпакетом и графиком с девяти до пяти. Я наслаждалась декретом примерно так же, как любой человек, который пытается подстроиться под график сна новорожденного, да еще когда молоко в груди застаивается. Поскольку днем времени у меня не было, я проходила тренировочные онлайн-тесты, готовясь к экзаменам на лицензию психолога, пока Лив спала. А еще несколько раз, когда стояла чудесная осенняя погода, мы с ней встретились с друзьями, которые в свой обеденный перерыв устроили небольшой пикник в Брайант-парке. Моему мужу все это казалось настоящим гедонизмом. Он тоже уставал – просиживал в крошечном офисе без окон, где проводил собеседования с кандидатами в полицейские по семь с половиной часов в день.

Почти каждый вечер после работы Джордж привык ходить в спортзал, и через несколько недель после рождения нашей дочери захотел возобновить эту привычку. С его точки зрения, это была совершенно невинная просьба – хотя тогда (впрочем, с тех пор ничего не изменилось) я придерживалась иного мнения. Он подолгу сидел в офисе и хотел заниматься спортом. Я тоже подолгу сидела дома с нашим новорожденным ребенком и хотела хоть какой-то передыш-

ки. Теперь я плохо помню, почему было так тяжело сидеть всего с одним ребенком (спросите любую маму двоих детей, и она наверняка скажет то же самое), но нервы у меня точно были ни к черту: первые несколько месяцев каждый вечер, с четырех до семи, Лив ревела без умолку. Это называется «ведьмовской час». Поищите в Google, и вы найдете массу веб-сайтов, советующих мамам, как справиться с этим каждодневным кошмаром. Эти веб-сайты уверяют женщин: «Помните, вы не сделали ничего плохого, вы не ужасная мать, и то, что сейчас происходит, абсолютно нормально». Если Джордж ехал после работы прямо домой, он приезжал в 17:45, а если заезжал в спортзал, то не раньше 19:00.

Когда я обратилась к мужу, он далеко не сразу сумел поставить себя на мое место. Джордж считал, что мне наплевать на его потребность «выпустить пар». Он ошибался: просто моя забота о нем не была настолько всеобъемлющей, чтобы жертвовать собственными нуждами ради преданного служения ему. Несколько дней прошли во взаимной враждебности, и наконец мы сумели договориться, что он будет ездить в спортзал до работы. Его уступка решила эту супружескую проблему, но породила обиды. Несмотря на то, что мы пришли к решению, учитывавшему интересы обеих сторон, Джордж все равно был уверен, что я неправа – а также беспомощна (очевидно же!), капризна и высокомерна. По моему мнению, наше совместное и тщательно взвешенное решение создать семью ограничивало его свободу так же, как и

мою. Он же считал (по крайней мере, так можно было судить по его поведению), что все эти ограничения его касаться не должны. Мы прожили вместе шесть лет, и я научилась понимать его по одним лишь взглядам – до рождения Лив в них читалась любовь, или юмор, или желание побыть одному. А когда родилась наша дочь, появился новый взгляд: «Почему моя жена стала такой требовательной? Какого черта она от меня хочет?» Я приняла это близко к сердцу и тяжело переживала. Я сомневалась: может, мне надо просто привыкнуть со своей ролью основного родителя и не создавать лишних проблем? Ведь нельзя сказать, что мой муж вообще не помогает.

Годы шли, а я продолжала ловить на себе этот новый взгляд моего мужа – то сносила его молча, то злилась вслух, – и вот у нас родился второй ребенок. Нельзя сказать, что мои просьбы о помощи не выполнялись – но нерегулярно и только после ссор и настоятельных напоминаний. При этом каждый раз он будто подчеркивал негласное правило: потребности наших детей – моя обязанность. «Мое недовольство» стало темой наших совместных сессий у психотерапевта, и Джордж прекрасно понимал, какой удар под дых он мне наносит каждый раз, когда говорит о моем гневе так, будто это сыпь у меня на спине, которая появилась совершенно неожиданно и не имеет никакого отношения к нему. Опираясь на собственный опыт, наш добродушный психотерапевт пришел к следующему выводу: «Как я вижу, ваша реальная

жизнь пока не отражает ваших более-менее прогрессивных идеалов». Почему никто не говорил такого раньше?

Хотя вообще-то говорила Таня, шесть лет назад, но я считала ее исключением из правил. Со времен моего детства гендерная динамика сильно изменилась – по крайней мере, такое впечатление у меня сложилось, прежде чем я стала мамой. Но оказалось, что мы с Джорджем до сих пор придерживаемся устаревших домашних сценариев. Когда Лив исполнился год, я поняла, что историями о поразительной способности мужа отказываться от домашних обязанностей – и даже не знать об их существовании – могла бы поделиться каждая знакомая мне мать. Маленькие дети, одетые не по сезону, не подписанные вовремя школьные разрешения, постоянное отсутствие нужных вещей в сумке («Ты не забыла подгузники?» – спрашивал меня Джордж каждый раз, когда мы садились в машину, и в голосе его слышалось обвинение). Мужчины негласно, но вполне внятно высказывали свою позицию. «Это не наша работа».

Мужья, которых я знала, включая моего собственного, активно общались со своими детьми – ничто в их поведении не напоминало ретростереотип мужчин, которые редко покидают свой кабинет и отказываются мыть маленькую грязную попу. Но стоило им превзойти в отцовстве Дона Дрейпера³, как эти мужчины с чувством выполненного долга от-

³ Вымышленный персонаж, главный герой телесериала *Mad Men* (2007–2015; в российском прокате «Безумцы»), во многом воплотивший идеал маскулинно-

правлялись на диван со своими смартфонами. У всех нас – и мужчин и женщин – крепко засело в голове воспоминание о совсем недавнем прошлом, когда в домашних делах от отцов не ждали практически ничего. Так почему же мы, матери, так злились и не осыпали аплодисментами и лепестками роз каждое участие наших партнеров в домашних делах?

Что касается этих вполне достойных мужчин, они прекрасно понимали, что участвуют в домашних делах гораздо больше, чем когда-то их отцы. Но это только мешало им прислушаться к вполне разумным возражениям жен о том, что этого «больше» недостаточно. Я стала худшим врагом самой себе: сомневалась в своем праве просить о помощи, чувствуя вину каждый раз, когда злюсь. Как правило, выбор был прост – либо поругаться с мужем, либо просто взять и сделать все самой, что бы это ни было. Ситуация удручающая. Все женщины, которых я знала, высказывали свое разочарование друг другу, чтобы хоть как-то облегчить боль. «Он хотя бы помогает», – говорили эти женщины, стыдясь своего недовольства и защищая благие намерения партнеров. А тот факт, что никто в истории человечества еще ни разу не говорил фразу «Она хотя бы помогает», нам и в голову не приходил. Мать, как предписывает ее пол, может разделить с партнером радости родительства, но никак не его неизбежное бремя: не забыть подгузники, купить подарки, сплани-

сти, в котором – в том числе и в отношении к женщинам и семье – соединились благородство и цинизм.

ровать обед и ужин, найти детский сад, раздать одежду, которая уже мала. Можете сколько угодно считать такой порядок дел аморальным, но поменять его никто не в силах.

В первые годы после рождения ребенка требуется немало времени, чтобы осознать те или иные проблемы. Сейчас я уже не помню, когда именно раздражение превратилось в глубочайший разлад, в какой момент то, что мой муж преспокойно начинал есть сам, пока я нарезала еду для нашей малышки, стало вызывать у меня приступы печали. Меня убивали даже мелочи.

Мы оба обожали Лив. Но только я постоянно обновляла в голове подробный список всего, что необходимо для ее жизни. Одна. Неужели мое желание выносить и выкормить нашего ребенка привело к негласному договору о том, что удовлетворение всех ее нужд – моя обязанность? Я приняла это как данность. Если бы я не нашла няню, а потом детский сад, неужели это сделал бы Джордж?

Как только я нашла детский сад, я взяла на себя новую обязанность – каждый воскресный вечер собирать сумку Лив на неделю и оставлять эту сумку в садике в понедельник утром (я возила дочь по понедельникам), с чистой простыней для тихого часа. Лишь когда на понедельник выпадал праздник, я вспоминала о том, что Джордж, который возил Лив в садик по вторникам, даже не знает о существовании специальной сумки, с ее свежим постельным бельем и сменной одеждой. В такие недели, если воспитательница забыва-

ла об этом напоминать, Лив спала на голом матрасе, потому что ее отец не привез вещи. То же самое повторилось с нашей второй дочерью три года спустя. Для детей это, разумеется, не конец света. Но я страдала. Я чувствовала себя человеком второго сорта в собственном доме. Я старалась донести свои чувства Джорджу, но он слышал только критику, мне не удалось до него достучаться. Сумка? Какая еще сумка?

Никто из нас этого не ожидал

В свете общего прогресса, когда для женщин многое изменилось в социальной сфере, вполне простительно, что мы не предвидели, насколько мало изменится наша личная жизнь. Вот в такой запутанной ситуации мы с Джорджем стали родителями – смутно предполагая, что мы будем все делать вместе, и не имея ни малейшего понятия о том, с чем нам предстоит бороться и каких усилий потребует достижение цели. И я стала читать о нашей проблеме.

По рекомендации подруги я выбрала книгу «Вторая смена» – подробный рассказ социолога Арли Хохшильд о том, как распределяли свои рабочие и домашние обязанности гетеросексуальные пары 1970-х и 1980-х годов. Вечно измотанные мамочки из ее исследований были мне настолько близки, что эта книга стала первым научным исследованием, над которым я рыдала (уже после рождения нашей второй дочери Тесс – к тому времени я уже выбилась из сил, стараюсь навести в нашей жизни хоть какой-то порядок). В течение тридцати лет Хохшильд наблюдала за жизнью нескольких семей, анализируя поведение мужчин и женщин, стремящихся как-то распределить домашние обязанности. То, что многие из этих пар в итоге развелись, показывает, какую цену приходится платить за иллюзию гармонии.

Больше всего меня поразило открытие профессора Хох-

шилдь, о котором она пишет во введении к книге: оказалось, что в 1980-х годах ее студентки из Университета Беркли «не надеялись найти мужчину, готового разделить с ними домашние заботы» [1]. В 1990-х я и мои однокурсницы из Университета Мичигана прогнозировали прямо противоположное будущее: ну конечно же, наши мужья будут делить с нами домашние обязанности! Очевидно, что на пороге нового века наши ожидания были оптимистичнее, чем у выборки Хохшилдь. И лишь оглядываясь назад, мы видим, что они практически не реализовались.

Я начала читать по этой теме и обнаружила, что материала предостаточно. В конце 2015 года Newsweek опубликовал опрос, в котором приняли участие двести пар из штата Огайо, под названием «Мужчины делают половину дел по дому – до появления первого ребенка» [2]. Опрос показал, что в парах с двумя работающими партнерами каждый партнер до рождения детей уделял домашним обязанностям по 15 часов в неделю. Как только появлялись дети, женщины добавляли к этому 22 часа ухода за ребенком, а мужчины только 14, причем мужчины при этом урезали время на домашние дела на 5 часов (а женщины так и тянули свои 15 часов).

Молодые отцы, выросшие в более позднем эгалитарном обществе⁴, вели себя не лучше [3]. «Мужчины-миллениалы

⁴ То есть таком, которое поддерживает принцип социального и гражданского равенства для всех членов общества.

оказались совсем не такими отцами, как они надеялись», – написала The New York Times в июле 2015 года, цитируя социологическое исследование Калифорнийского университета. Оно продемонстрировало, что мужчины в возрасте 18–30 лет на словах демонстрируют более современное отношение к гендерным ролям в браке, чем старшее поколение, но «им тяжело реализовать его в собственных семьях».

Опрос Исследовательского центра Пью в том же году показал: мужчины считают, что выполняют не меньше работы по дому, чем женщины, но их жены придерживаются иного мнения [4]. 64 % матерей утверждают, что заботятся о потребностях детей гораздо больше, чем их мужья. 41 % отцов и 31 % матерей считают, что домашние обязанности в их семье делятся поровну. Опрос журнала The Economist в 2017 году, охвативший родителей из восьми западных стран, показал схожие результаты (46 % отцов и 32 % матерей считают, что домашние обязанности у них делятся поровну) [5]. Выводы многочисленных наблюдений в социологических публикациях можно резюмировать статьей, опубликованной в Journal of Marriage and Family: «В силу потенциальной выгоды равного разделения домашнего труда, а также стремительного роста числа работающих женщин и активной популяризации идеалов равноправия в браке, многие... прогнозировали, что разделение домашних обязанностей станет более гендерно нейтральным. Однако опросы... не подтверждают это предположение. Исследователи так и

не смогли ответить на важный вопрос: “Почему мужчины не делают больше?”» [6].

Именно этот вопрос мучил матерей, с которыми я познакомилась, – причем даже тех, чьи мужья называли себя профеминистами и предполагали, что их идеология автоматически отразится на образе жизни. Как правило, этого не происходило. Моя подруга Лиза, в ярости на то, что ее муж вечно отсутствует и не принимает участия ни в каких домашних делах, порезала себе руку, нарезая овощи, – после чего руку пришлось перевязать и отложить длинный список домашних дел на несколько недель. Моя подруга Бэт отказывалась рожать второго ребенка, потому что ее муж не мог пообещать, что на этот раз будет активнее заботиться о детях (второго они все равно родили; по ее словам, на этот раз она по крайней мере знала, во что ввязывается. Говоря об этом, она тяжело вздыхала и пожимала плечами). Моя подруга Сара, чтобы добиться от мужа равного участия после рождения второго сына, разработала целый план, согласно которому никто из них не должен оставаться один с мальчиками. Ради этого обоим супругам пришлось изменить график работы и пожертвовать всеми выходами в свет. Нуждаясь в помощи мужа по утрам перед работой, моя пациентка Андреа составила расписание в Google-календаре, в котором был установлен будильник для ее мужа на всю неделю; а в те многочисленные дни, когда он все равно не просыпался вовремя, ей приходилось готовить обед на всю семью, пока ее

полуодетый малыш висел у нее на юбке. Другие женщины, которых я знала, справлялись как могли, пока не выбивались из сил, и тогда скандалили с отцами своих детей – и все равно почти ничего не менялось. В конечном итоге все их усилия были напрасны. Так уж сложилось... Причем никто из участников драмы не знал почему и не мог направить свою жизнь по более сбалансированному и справедливому пути.

Почему же мужчины не делают больше?

«Думаю, этому есть биологическое объяснение, – заявила моя мама, когда приехала к нам в гости и мы гуляли с моими дочками на детской площадке во дворе Нью-Йоркского зала науки. – Женщины инстинктивно лучше понимают потребности своих детей». Я поморщилась от ее предположения. Оно возмутило мою интеллектуальную чувствительность. Моя мама – социальный работник, когда-то участвовала в марше за Поправку о равных правах⁵. Всю мою молодость она мне внушала, что была бы намного счастливее, если бы пошла работать, когда я и моя сестра были маленькими. С недавних пор мама стала называть себя консерватором и говорить, например, такое: «Жаль, что я раньше не понимала: мои дети – самое важное, что у меня есть в жизни». Но сердилась я еще и потому, что мысль про природу и неизбежные предрасположенности тоже приходила мне в голову. Моя сверхбдительность по отношению к потребностям дочерей зачастую казалась мне качеством, не подвластным контролю, – будто сопротивляться ей было не легче, чем не

⁵ Поправка о равных правах (ERA) – предлагаемая поправка к Конституции Соединенных Штатов, гарантирующая равные юридические права всем американским гражданам независимо от гендера. Впервые предложена в 1923 году. Процесс ее ратификации продолжается до настоящего времени.

дергать ногой, когда по колену бьют резиновым молоточком.

Если после долгой семейной прогулки мы с Джорджем приезжали домой поздно с двумя уставшими детьми, муж мог сразу же направиться в ванную – чистить зубы. Себе. Я же должна была, прежде чем задуматься о своих нуждах, переодеть девочек и отправить их умываться. «Я бы сам все сделал, если бы ты немного подождала», – упрекал меня муж, когда девочки уже лежали в постели. Но я так просто не могу.

«Все дело в личности, – сказала Эллен Седман из Нью-Джерси, писательница, редактор и мать троих детей, чей пост о «суперзрении» (материнский эквивалент умению перепрыгивать с одного небоскреба на другой) привлек мое внимание на Facebook⁶. – Как показывает и мой опыт, и опыт моих подруг, женщины более дотошны и внимательны к деталям, когда речь идет о доме и детях». Так Седман высказала менее детерминистскую версию хвалебной оды врожденным способностям, которые воспевала моя мама. Затем она добавила: «Я, к примеру, особенно дотошная. Я замечаю все. У меня на все есть своя система. Я знаю, что нужно позвонить врачу на следующей неделе и записать детей на сдачу анализов в школе, а еще нанять фотографа, который раз в год делает наши семейные фотографии. Я держу списки на бумаге и в голове. А мой муж нет. Это не в его привычках».

⁶ Принадлежит Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории России.

Женщин нельзя назвать от природы более организованными, чем мужчины, и Седман также признает, что эту склонность – быть внимательной к потребностям других людей – она осознанно в себе развивала, чтобы облегчить жизнь мужу.

Называя себя успешной, она подчеркивает, что гордится своими способностями и тем, как хорошо заботится о своей семье. Как же мне это знакомо! К тому же это смягчает ее недовольство статусом, который она занимает дома, – статусом человека, который должен обо всех заботиться. «Мы наблюдали, как наши матери занимались домом, а наши отцы это пассивно допускали, – сказала она, добавив, что своей дочери она желает другой жизни. – Это гендерные стереотипы, которым нас учат. И они никуда не денутся только потому, что теперь оба партнера работают. Это замкнутый круг. И я понятия не имею, как его разорвать».

«Мужская привилегированность», – сказала моя тогда еще бездетная лучшая подруга из колледжа, когда я спросила ее, что она думает по этому поводу. Патриархат, пережиток прошлого, которого, как мне казалось, я ухитрилась избежать, поскольку я родилась в нужном месте и в нужное время. (Ха!) Прописная истина – материнство делает многих женщин феминистками. Как написала Джейн О’Райли в главной статье дебютного издания журнала Ms. еще в 1971 году: «В конечном итоге все мы домохозяйки – и именно к нам обращаются, когда нужно сделать что-то

неприятное, неудобное или непонятное» [7]. В современной жизни ничто не соответствует этому описанию больше, чем родительские обязанности – вся эта бесконечная стирка, завтраки... И, вероятно, на вопрос, почему мужчины не делают больше, лучший ответ предложил мужчина – гость на ужине, который дала О'Райли перед выходом ее статьи: «Кое с чем я согласен, равная оплата за труд равной ценности – это справедливо... Но не говорите, что движение за равноправие женщин обязывает меня мыть посуду!» [8]

«Это структурная проблема, – сказала мне по телефону социолог Государственного университета Нью-Йорка Вероника Тиченор, специализирующаяся на разделении труда в семьях. – Рабочая среда не изменилась. Мужчины-сотрудники до сих пор ведут себя так, словно у каждого из них жена – домохозяйка. Никто не отпрашивается домой, если заболел ребенок. Когда одна семья не может наладить быт, это их личное дело. Но когда страдают все семьи, это уже социальная проблема». Конечно, Тиченор права, как и авторы статей и книг, которые объясняют изъяны нашей системы, препятствующие благополучию семьи в XXI веке: начиная с непомерных требований многих компаний (чуть ли не двадцатичетырехчасовой рабочий день) и заканчивая негласным неодобрением (или риском потерять работу), с которым сталкиваются работники, ставящие семейные обязанности на первое место, и мизерными государственными пособиями для родителей в США и во многих других западных стра-

нах. Мужчины не делают больше, потому что мир усложнил им эту задачу. «Рабочую структуру необходимо изменить», – подчеркивает Тиченор. Но если справедливости для женщин в быту можно достичь только через кардинальные изменения в политической и экономической системах, вряд ли мои дочери этого дождутся, как и мои внуки.

Неудовлетворенные растущие ожидания

Недавний анализ дневников использования времени, проведенный Исследовательским центром Пью и Бюро трудовой статистики Министерства труда США, показал, что работающие женщины выполняют 65 % дел, связанных с уходом за детьми, а их партнеры-мужчины – 35 % [9]. Это соотношение не меняется с 2000 года [10]. За последние двадцать лет оно не сдвинулось ни на йоту. Некоторые ученые, а также родители приводят примеры более равноправного разделения, и, конечно же, встречаются исключения из правил. Но эти истории не влияют на общую статистику. Женщины, несмотря на их растущую экономическую силу, все еще лишены прав дома.

Социолог из Государственного университета Огайо Клэр Кэмп Даш говорит, что исследования дневников использования времени – которые собирают данные по мужчинам и женщинам в целом, а не сравнивают мужей и жен из одной семьи, – на самом деле рисуют слишком даже радужную картину прогресса. «Я сомневаюсь в этих данных. Наши результаты, анализирующие поведение пар в один и тот же день, отличаются. Они показывают, что мужчины делают еще меньше». Вот так неожиданность для поколений женщин, борющихся за свои права.

Пока мы надеялись, что наши партнеры-мужчины будут делить с нами домашние обязанности, мы остались с так называемыми неудовлетворенными растущими ожиданиями, как говорят политологи. Исторически подобные ожидания лежат в основе революций, мятежей и общественных беспорядков. Если столько семей живут вот так и столько женщин обозлены или просто измотаны, почему же мы никак не выйдем из этого тупика? Где же наша революция? Где наш мятеж? Где наши общественные беспорядки?

Поговорив с матерями и экспертами, я выделила три общих типа объяснений неискоренимости этой проблемы: биология, культурные предписания относительно материнской преданности и повсеместная приоритизация мужских потребностей и желаний по сравнению с женскими. Я подробно рассмотрю каждую категорию. Можно ли выделить какие-либо врожденные качества, которые мешают матерям после отлучения ребенка от груди облегчить свое бремя, а отцам – подхватить эстафетную палочку? Неужели социальные требования к сверхактивному участию матерей в домашних заботах настолько вездесущи, что даже те из нас, кто их не разделяет, обречены жить по ним, оставляя своих супругов далеко позади? Неужели мужчины заслуживают такой слепой и пассивной субординации женщин, что изменения маловероятны (и это в лучшем случае)?

Я решила взять интервью у сотни матерей (и начала с подруг и их знакомых, а потом обратилась к участницам ма-

теринских групп на Facebook⁷). Опросив около сорока женщин, я обнаружила, что все интервью удивительно похожи. Независимо от возраста, национальности, местожительства и социально-экономического статуса (а диапазон был большой), все женщины рассказывали одну и ту же историю. Мне даже пришло в голову, что это может говорить об ограниченности моих журналистских талантов.

Я вздохнула с облегчением, когда схожим опытом поделилась писательница Шерил Стрейд. Для своей колонки советов «Дорогая Милочка» Стрейд попросила женщин из социальных сетей написать ей по поводу разделения труда в их семьях. Она говорит, что отклик был колоссальный. «У меня появилось такое ощущение, будто все письма написал один и тот же человек – женщина рассказывает... о “чудесном парне”, который не выполняет свою долю домашних обязанностей и организационных задач, связанных с детьми и хозяйством...» [11]. Я остановилась на пятидесяти матерях.

Социологи Тони Каласанти и Кэрол Бейли утверждают, что «вместо факторов, которые принесли нам незначительные изменения, следует сосредоточиться на неискоренимости гендерных отличий при разделении домашнего труда, поскольку это полезнее для понимания и устранения неравенства» [12]. Чем больше мы знаем об этой губительной норме, тем проще с ней бороться. Как признает писатель тре-

⁷ Принадлежит Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории России.

твей волны феминизма Эми Ричардс: «Крестовый поход феминизма до сих пор не завершен, поскольку анализировать “личные” проблемы намного сложнее, чем обличать политические» [13]. Эта книга представляет собой подробный анализ личных проблем.

Глава 1

О том, как мы живем

Миф о современном вовлеченном отце

Все данные, которые мне удалось собрать, указывают на то, что современные мужчины, живущие со своими детьми, – отцы намного более вовлеченные, чем пятьдесят лет назад. Они проводят с детьми в три раза больше времени по сравнению с 1965 годом [14]. Согласно последней переписи, 32 % отцов отметили, что регулярно заботятся о своих детях; десять лет назад их было 26 % [15]. По данным национального телеканала «Папа дома», в США насчитывается 1,4 млн отцов, которые решили не работать, а заниматься домом и детьми, – и это в два раза больше, чем десять лет назад [16]. Примерно равный процент отцов и матерей утверждают, что родительство – крайне важная часть их жизни [17]. В 1965 году матери уделяли уходу за детьми в четыре раза больше времени, чем отцы, а в 2010 году – только в два раза [18]. Если брать всю страну в целом, то с 1965 по 2003 годы мужская доля неоплачиваемой домашней работы выросла с 20 % почти до 35 % [19] и с тех пор

не менялась [20].

Историки отмечают значительные изменения в отцовстве за последние пятьсот лет. В колониальные времена (~1600–1800) работа происходила на семейных фермах, и мужчины занимались обучением и нравственным воспитанием своих детей. Во время индустриализации (~1800–1950) оплачиваемая работа вышла за пределы дома, разделив жизнь западных мужчин и женщин на две совершенно разные сферы – общественную и частную. Женщины выполняли неоплачиваемые домашние обязанности, даже если при этом они зарабатывали домашним трудом или другими, зачастую маргинализированными способами. Мужчины работали на фабриках и в магазинах. Отцы стали отстраненными и невовлеченными. Наконец, с урбанизацией за последние пятьдесят с лишним лет вырос процент работающих матерей, а также их заработок, что создало благотворные условия для появления современного, вовлеченного отца [21]. Он возит детей в школу. Он знает, где лежат их носки. Он успокаивает детей, когда им снятся кошмары и когда их тошнит. Если он остается с детьми один, он не считает себя нянькой. Он ходит на родительские собрания. А иногда даже готовит ужин.

Становление нравственных принципов занимает долгое время, но справедливость уже не за горами, и теперь женщины живут лучше, чем их матери и бабушки. Не нужно быть историком, чтобы осознать этот радостный факт. Еще не так давно замужние женщины не обладали вообще ника-

кими законными правами, поскольку считались собственностью мужей [22]. (Незамужние женщины принадлежали своим отцам: почетное обращение «мисс» или «миссис» указывало, кому принадлежит женщина – отцу или супругу [23].) До принятия Закона о гражданских правах 1964 года определенная категория работодателей имела полное право уволить или не взять на работу замужнюю женщину [24], потому что у нее уже была работа – физически и эмоционально она трудилась на благо своей семьи. Только в 1980 году в переписи населения США мужей официально перестали называть «главами семей» [25]. Я выросла во времена равных возможностей в образовании и трудоустройстве молодых женщин без опыта работы и предполагала, что эти тенденции будут развиваться и дальше. В подкастах я слушала таких женщин, как Шейла Невинс, президент отдела документальных фильмов НВО, 1939 года рождения. Она рассказывала, как тяжело было строить карьеру в театре после того, как она получила степень магистра искусств в Йельской школе драмы: «[Мой муж] хотел, чтобы по вечерам я была дома. И по выходным тоже. А поскольку представления в театре идут по вечерам и выходным, у меня просто не оставалось возможности заниматься театром». (Это был ее первый муж, с которым она «давным-давно развелась» [26].) Таким был брак в 1960-х. Мужчина имел полное право высказать свои желания и требовать подчинения от жены, чего бы это ей ни стоило. Но это же было больше чем полвека назад, ведь

так?

Не совсем. Когда мы с Джорджем за несколько лет до свадьбы переехали в свою первую однокомнатную квартиру, окнами выходящую на оживленную улицу, он сам вызвался пылесосить и вытирать пыль. По его словам, ему это нравилось, и он действительно занимался этим каждую неделю. Я же, в свою очередь, не сказала ему (поскольку я женщина, а он мужчина), что мне остается уборка ванной и кухни, а это никак не соответствует моим предпочтениям. Он мог вытирать пыль сколько ему вздумается – лично меня пыль вообще не беспокоила; но я бы тоже хотела пылесосить. И если уж я должна драить ванную, то пусть он тогда моет пол на кухне. Я хотела все это сказать, но... время шло, а я молчала – мне и так повезло, что он вообще что-то хочет делать по дому. Он тоже так думал. Это происходило в 2005 году.

Проще благодарить за изменения, которые уже произошли, чем признавать, сколько всего еще предстоит сделать. Благодарность помогает избежать конфликтов, а не провоцировать их. Женщины, воспитывающие детей с современными, вовлеченными отцами, чувствуют необходимость – внутреннюю или внешнюю – видеть только позитивную сторону: сплошной мед без единой ложки дегтя. («Когда приходит папа, мы хлопаем в ладоши», – говорит Джей Миранда, мама и блогер из Лос-Анджелеса, о своих еженедельных занятиях «Мама и я» [27].)

Как нам повезло, что у нас общие эгалитарные идеалы

в браке, даже если они не всегда проявляются в реальном поведении! Стоит признать, что эти идеалы еще не получили повсеместного распространения. Говорит Молли (27 лет), работник службы опеки и мама маленького Теннесси: «Равноправное партнерство у нас большая редкость. Даже мои бездетные подруги говорят иногда: “Я сегодня работаю допоздна, так что надо заранее приготовить ужин для мужа”. Я бы умерла, если бы мой муж устроил скандал из-за того, что я задержалась на работе и ему пришлось самому себя покормить. Поэтому я искренне рада, что я замужем именно за ним. Но я ужасно устаю, потому что забота о нашем сыне почти полностью лежит на мне».

Рассказывает Шеннон (42 года), мама из Оклахомы, специалист по связям с судебными органами: «Там, где я живу, до сих пор действуют устаревшие правила. Мой муж считает, что должен приносить домой деньги и не делать ничего другого. Он говорит об этом открыто. Все не так уж и плохо. Он меня не бьет. Он не пьяница. Я научилась управляться со всеми делами и все успевать. Теперь уже нет смысла ругаться об этом, ничего не изменится». А потом она добавляет: «Честно говоря, мне бы жилось легче, если бы я была одна. Я бы не ждала помощи и не расстраивалась, когда ее не получаю». Кстати, Оклахома – один из штатов США с самым высоким процентом разводов [28].

Поскольку всегда найдется некий абстрактный, безымянный и безликий партнер, еще более ленивый и невниматель-

ный, чем собственный муж, женщины, которые ценят свою жизнь и свои отношения, не торопятся выражать недовольство. Социология объясняет это теорией относительной депривации: человек чувствует себя вправе выразить решительный протест, только если считает себя более обделенным, чем другие члены его референтной группы. Говорит Мишель (44 года) из Портленда (Орегон), маркетолог и мама девятилетки: «Я не знаю, насколько справедливо у нас распределяется труд. Но я вижу, как мне повезло, когда слышу, что другие женщины рассказывают про своих мужей. У меня столько подруг, чьи мужья никогда не укладывали ребенка спать, потому что это женская обязанность – она же мама».

Лора (38 лет), владелица бизнеса в Нью-Йорке и мама четырехлетки, сказала мне, что чувствует себя матерью-одиночкой, но согласна с мужем в том, что ситуация могла быть намного хуже. Действительно, каждый раз, когда она пытается обсудить неравное распределение обязанностей между ними, ее партнер неизменно отвечает: «Я делаю намного больше, чем другие мужчины», а эту фразу сказать проще, чем «Да, наш образ жизни несправедлив по отношению к тебе, но такова женская участь, так что терпи».

Эрика (38 лет), проджект-менеджер из Портленда (Орегон) и мама двоих детей младше семи лет, так объясняет свои смешанные чувства: «Он очень хорошо ладит с детьми, когда находит для этого время, и, судя по тому, что рассказывают мои подруги, мой муж делает гораздо больше, чем

другие». Она прерывает свой рассказ, чтобы попросить меня изменить ее имя (я изменила имена всех родителей). Они недавно начали ходить на психотерапию для пар, и ей стыдно об этом говорить. «Он сидит в телефоне или за компьютером, пока я ношусь по дому как сумасшедшая, убираю детские вещи, занимаюсь стиркой. По утрам он пьет кофе, читает новости в телефоне, а я собираю обеды, готовлю одежду для нашей дочки, помогаю сыну с домашкой. А он просто сидит. Он делает это не специально. Просто не осознает, что происходит вокруг него. А когда я спрашиваю его об этом, начинает защищаться. По вечерам повторяется то же самое. Он помогает с ужином, но потом я чищу детям зубы и укладываю их спать, а он опять сидит в телефоне».

Почему мужчины ведут себя так? Почему женщины это терпят?

«Традиции, подчеркивающие мужское доминирование, изменились намного меньше в личной сфере, чем на работе», – говорит мне Пола Инглэнд, социолог из Университета Нью-Йорка, автор книги «Гендерная революция, не достигшая равноправия». Мы сидим за рабочим столом в ее офисе с высокими окнами, из которых открывается вид на район Гринвич-Виллидж. «Если подумать, мы рассказываем о равноправии, но все говорят только о том, как изменились женщины. Да, женщины могут строить карьеру, быть военными, священниками. Но факт остается фактом – все это не имеет никакого значения, если не изменится ситуация дома.

А далеко не все в нашем обществе меняется само собой с течением времени. Поэтому безоговорочное утверждение, что изменения происходят непрерывно, не соответствует реальности».

Действительно, многие женщины, с которыми я говорила, – партнерши современных, вовлеченных отцов – пребывают в «некоем заточении, где поведение мужчин недотягивает до ожиданий женщин» [29], как пишет журналистка Джилл Филипович в своей книге «Точка С: феминистки в погоне за счастьем». Или, как говорят психологи из Беркли и первопроходцы в семейных исследованиях Кэролин и Филипп Кован: идеология современных эгалитарных пар значительно опережает свое время [30]. Моник (32 года) из Квинса (Нью-Йорк), мать малыша ясельного возраста, рассказывает о том, как ее муж смотрит на эту проблему: «Он замечает несправедливость, но воспринимает ее как данность. Мне кажется, он считает, что ничего не может изменить. Он сам мне это говорил. Он ничего не может с этим поделать, так что было бы лучше, если бы я перестала так переживать».

Думаю, здесь стоит отметить – и дальше уже не повторять, поскольку это очевидно, – что подавляющее большинство современных, вовлеченных отцов – это благонамеренные, разумные люди. Сегодня мужчины общаются со своими детьми больше, чем когда-либо в истории [31]. Хотя вовлеченность отцов в семьях с двумя родителями за последние десятилетия выросла, семей, где вообще есть отец,

стало меньше [32]. Очевидно, что мужчины, которые остаются, чтобы любить и воспитывать своих отпрысков, заслуживают не только критики. Сейчас, например, воскресенье, и Джордж занимается нашими дочками, чтобы я могла работать над книгой. А утром он сумел отыскать потерявшуюся балетную туфельку Лив, без которой она не смогла бы пойти на свое первое после летних каникул занятие.

Я сижу в местном кафе, а напротив меня отец и сын пьют горячий шоколад, и отец с любовью обнимает сына за плечи. Когда они ушли, их место заняли другие отец с сыном – этот мальчик чуть старше – и устроили армрестлинг прямо за столом (честное слово!). Мне присылает сообщение отец лучшей подруги Лив, которая остается у нас сегодня с ночевкой в честь дня рождения. Он спрашивает, забросить ли ему сумку с вещами Майи после обеда или мы заедем за ними по дороге домой после ужина. Мужчины входят в те 3–5 % самцов млекопитающих, которые вообще что-то делают для своего потомства после оплодотворения [33]. Отцы в США работают на три часа дольше в неделю, чем бездетные мужчины [34]. Большинство американских мужчин, состоящих в отношениях, теперь утверждают, что эгалитарное разделение домашнего труда крайне важно для счастливого брака [35]. Стакан наполовину полон. Аминь.

Но не спешите с выводами. Репутация современных, вовлеченных отцов слишком приукрашена – или, по крайней мере как утверждают некоторые исследователи, «эти изме-

нения касаются больше “культуры отцовства в целом”, а не конкретного поведения» [36]. Согласно отчету международного объединения против бедности Oxfam за 2018 год, женщины во всем мире выполняют в 2–10 раз больше неоплачиваемого труда, связанного с домашними обязанностями и детьми, чем мужчины [37] (общая стоимость этой работы за год оценивается в \$10 трлн). Соотношение мужского и женского бесплатного труда самое низкое в Скандинавских странах. В Норвегии, где в 1993 году правительство предложило оплачиваемый декрет специально для отцов [38], женщины тратят на домашние дела 3,5 часа, а мужчины 3 часа ежедневно [39]. Самое высокое соотношение наблюдается в слаборазвитых странах.

Организация «Женщины ООН» – направление ООН, посвященное гендерному равноправию, – утверждает, что самая большая разница по неоплачиваемому труду представлена в Южной Азии, где женщины выполняют 90 % неоплачиваемой домашней работы, заботясь о нуждах семьи [40]. В Индии женщины тратят на бесплатный труд ежедневно шесть часов, а мужчины только один [41]. Особенно тяжелая работа выпадает на долю женщин в странах третьего мира. Семейная женщина в Уганде только на сбор воды тратит около шести часов в день [42]. Исследование Международной организации экономического сотрудничества и развития показывает важную взаимосвязь между неравным распределением неоплачиваемой домашней работы и благосостоянием

страны – чем меньше разница, тем богаче страна [43].

MenCare, международная кампания отцовства, направленная на равноправие в уходе за детьми в 45 странах, утверждает, что, прежде чем женщины во всем мире добьются гендерного равноправия у себя дома, с текущими темпами изменений понадобится еще 75 лет [44]. Страны первого мира лидируют, но это еще не значит, что мы уже достигли цели. Об этом легко забыть в странах с современной инфраструктурой, в семьях без детей. До их рождения дел не так уж и много, и мы закрываем глаза на мелочи – например, кто сколько чистит ванную и моет полы. Но, как говорит социальный психолог Франсин Дейч из Колледжа Маунт-Холиоук в своей книге «Делим пополам: равноправное родительство на практике», которая подробно изучает проблему неравного распределения неоплачиваемого труда в американских парах, где оба партнера работают и где есть дети: «Дети... создают настоящий кризис неравноправия» [45].

Разочарования современной вовлеченной матери

Моник из Квинса ценит все, чего добилась. Трудолюбивая и умная, она построила жизнь, о которой мечтали все девочки среднего класса в конце XX века. Интересная работа в государственном секторе, любящий муж, один ребенок и попытки завести второго. «Она само совершенство, – говорит мне Моник о своей дочери, – так что, думаю, все у нас хорошо». В голосе чувствуется сомнение. Она вырвалась из офиса, чтобы встретиться со мной в пустынном ресторанном дворике и обсудить, что думает о неравноправии в своей семейной жизни после рождения ребенка – несбывшиеся ожидания, отрицательный опыт.

Она подстроилась под требования материнства, изменив график работы. Она перевелась в офис поближе к дому и реже созванивалась с клиентами по вечерам. Она также нашла платных и бесплатных помощников – няню на полдняя и бабушек дочери. Она любит проводить вечера со своей малышкой. Больше она ничего не планирует менять. Но ее поражает, как мало изменились приоритеты мужа. Ее возмущает, что он совершенно свободно распределяет свое время, участвует в домашних делах когда и как ему вздумается, и что огромное количество мелких задач неизменно падает на ее плечи. «Меня раздражает, что у нас с ним такие

разные обязанности. Он занимает привилегированное положение. Если у него крупный проект на работе, он говорит мне: “Кстати, я сегодня задержусь в офисе”. Ему не надо торопиться домой, чтобы отпустить няню вовремя, потому что ее тоже дома ждут дети. Если у меня что-то намечается на работе, мне приходится звать на помощь маму, а если она занята, искать другой выход. Он же думает: “У меня полно работы, а ребенком пусть занимается кто-то другой”. Это тяжело».

«Когда я была беременна, мы с ним обсуждали, как все будет, и решили найти няню на три дня в неделю, звать маму к нам по четвергам и пятницам, а мою свекровь просить по пятницам уходить с работы пораньше, чтобы посидеть вечером с малышкой, и тогда моя мама будет успевать на обратный автобус. В какой-то момент я засомневалась: “Ничего не получится, это слишком сложно”, на что он ответил: “Я не понимаю, почему ты не можешь приложить больше усилий”, а я сказала: “Ты единственный, кто тут не готов возвращаться с работы пораньше и менять свой график!” В общем, мы составили план, и обычно он работает. Чтобы этот план работал, свои усилия объединили все женщины семьи».

Моник и ее ровесницы – как и мои – выросли на горячих речах о гендерном равенстве. Девочки могут все, что могут мальчики. Мы получили Раздел IX⁸. Мы получили выс-

⁸ Раздел IX (англ. Title IX) – федеральный закон США, запрещающий дискриминацию по гендерному признаку в рамках образовательных программ.

шее образование. Но все эти громкие речи про возможности женщин никогда не трактовались таким образом: «Мальчики могут все, что могут девочки». Нет, об этом мало кто думает. И теперь, когда Моник стала юристом, ее муж так и не стал основным родителем.

Изменения в их жизни после рождения дочери начались с нее и закончились на ней. «Я, безусловно, разочарована, – говорит она. – Не так сильно, чтобы развестись, но мне неприятно. И когда мы собираемся втроем, я нервничаю и раздражаюсь. Если он говорит, что нашей дочери что-то нужно, я тут же начинаю злиться, и мне трудно с ним не поругаться, потому что предполагается, что это я должна позаботиться обо всех ее потребностях. Я стараюсь отвечать вежливо. Но получается не всегда».

«Даже если мы принимаем какие-то решения, чтобы изменить ситуацию, он быстро о них забывает, а я уже не напоминаю. В какой-то момент мы пришли к соглашению – он будет дома по вечерам во вторник и четверг, чтобы взять на себя дом и ребенка. Но этого не происходило, потому что он задерживался на работе или планировал на это время другие дела. А потом говорил: “Да, да, прости, я больше не буду”. А потом все снова повторялось. Ничего не поделаешь. Я переживаю, что мы так и будем всю жизнь ругаться. Он знает, что я думаю по этому поводу, но это не приводит ни к каким значимым, регулярным изменениям. Сколько же можно его уговаривать?»

Она продолжает: «Когда-то я поступила в колледж свободных искусств и записалась на массу курсов по феминологии. Мы с однокурсниками долго и страстно обсуждали динамику брака и то, почему жизнь неизменно складывается именно так, а не иначе, и я помню, что тогда думала: “Почему эти женщины соглашаются так жить? Со мной точно такого не случится”. Но именно так и произошло».

Подлинная сущность современных вовлеченных отцов

Когда исследователи спрашивают мужчин, у которых должен родиться ребенок, как они собираются делить домашние заботы и уход за детьми, большинство говорит, что их женам придется делать чуть больше, чем раньше, – из-за кормления ребенка, – но они тоже не будут отставать. Но через шесть месяцев после рождения ребенка те же самые отцы утверждают, что матери делают больше, чем они ожидали, в то время как они сами делают меньше, чем ожидали [46].

То, что начинается как кратковременная необходимость, вызванная грудным кормлением, становится прецедентом. За последние несколько десятков лет отцы взяли на себя гораздо больше забот о ребенке, но масштабы изменений оказались весьма скромными, даже если сравнивать их с тем, сколько мужчины помогают по дому. С 1980 по 2000 год, когда количество работающих женщин выросло наиболее сильно, процент мужчин, помогавших по дому, вырос на 10 % – с 29 % до 39 %.

Что касается ухода за ребенком, то тут мы имеем совершенно другую картину за тот же период: в 1980 году отцы выполняли 38 % дел по уходу за детьми, а в 2000 году 42 %. Матери в 1980 году утверждали, что их мужья берут на себя 31 % дел по уходу за детьми, а в 2000 году 32 %. Сего-

дня, по данным нескольких исследований, работающие женщины уделяют семье примерно в два раза больше времени, чем мужчины [47]. А если, чтобы сбежать от этой проблемы, вы решили переехать в более прогрессивную страну, то даже в Швеции, где процветает гендерное равноправие, отцы уделяют уходу за детьми только 56 % того времени, что тратят на это женщины [48].

Ни одно известное человечеству общество не может похвастаться тем, что мужчины берут на себя львиную долю ухода за ребенком. Межкультурные антропологи утверждают, что матери активнее участвуют в уходе за детьми, чем отцы, в любой части мира, независимо от образа жизни, профессии и социальной идеологии [49]. В отчете ООН за 2018 год сказано, что женщины выполняют в 2,6 раза больше домашних дел и обязанностей по уходу за детьми, чем мужчины [50].

За последние 75 лет женщины с маленькими детьми из развитых стран – в общей сложности это 36 стран – членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – все чаще стали заниматься оплачиваемым трудом, и эти цифры стабильно растут. Согласно данным по этим странам, на сегодняшний день 71 % матерей с одним ребенком и 62 % матерей с двумя и большим количеством детей трудоустроены [51]. Все же, если смотреть на сравнительное использование времени, отцы из этих стран (среди них США, Канада, почти вся Европа, а также Мексика, Но-

вая Зеландия и Япония) тратят на домашние заботы меньше четверти того времени, что тратят женщины, и меньше половины этого времени уделяют уходу за детьми [52]. В отчете ОЭСР за 2017 год неравномерное распределение неоплачиваемой домашней работы между мужчинами и женщинами признано одной из важнейших проблем гендерного неравенства нашего времени. Современные отцы во всем мире внесли в свою жизнь мизерные изменения, несмотря на растущие требования со стороны работающих матерей. Но мы продолжаем убеждать себя, что стакан наполовину полон (то есть мы до сих пор верим, что можем похвастаться великими достижениями на пути к равному разделению родительских обязанностей). Неужели мы и дальше будем ограничиваться одной только благодарностью?

У благодарности есть неприглядная обратная сторона. Культурные исследования со всего мира неизменно показывают, что молодые родители переживают в своих отношениях качественные изменения – «внезапные, неблагоприятные и довольно серьезные по значению» [53], как говорят некоторые ученые. Лонгитюдные исследования⁹ показывают, что супружеское удовлетворение достигает пика примерно во время свадьбы, затем идет на спад и в конечном итоге снижается в два раза для пар с детьми, по сравнению с бездетными парами [54]. В некоторых говорится, что самый

⁹ Научный метод, когда одна и та же группа людей изучается в течение длительного времени.

резкий спад происходит перед первым днем рождения ребенка [55], в некоторых – что позже. Исследование Института Готтмана в Сиэтле, в котором семейная жизнь анализируется на протяжении более двадцати лет, показало, что две трети пар переживают резкое снижение качества отношений, а также значительный рост конфликтов и враждебности в течение трех лет после рождения первого ребенка. А по мере того как детей становится больше, растет и недовольство [56].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.